

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т60

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Торн, Александра.

Т60 Глаз бури: [роман] / Александра Торн. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 448 с. — (Магия викторианского детектива).

ISBN 978-5-17-149242-7

Подчиняясь таинственному зову, девять девочек из приюта в Фаренце выпрыгнули из окна, выходящего на канал, и... стали нежитью. Но это только начало. Впереди другие смерти и опасности, угрожающие всему Континенту, а потому Лонгсдейл и комиссар Бреннон вынуждены покинуть Блэкуит и прибыть в Фаранцу, где находится запечатанный консультантами провал на ту сторону. В ходе расследования Бреннон и Лонгсдейл находят ответы на все вопросы — и кто такие консультанты, и откуда они появились. Но в тот час, когда завесы падут, комиссару предстоит сделать самый сложный выбор...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149242-7 © Торн А., 2022
© ООО «Издательство «АСТ», 2022

*Блэкуит, Риада;
Фаренца, Илара;
осень 1864*

Ночь на 6 октября

Промозглая сырость, поднимающаяся от каналов, ползла по полу и стенам — каждую ночь становилось все холоднее, а заснуть было все тяжелее. Каталина старалась лежать неподвижно, скрестив руки на груди, как велела мать Агнесса, и читать молитву, но зубы непрерывно стучали, откусывая слова. Одежда воспитанницам полагалось выдавать только зимой, до которой еще целых два месяца. В остальное время согреваться следовало огнем веры.

— Прекрати уже! — зашипела из темноты Магдала.

— Но мне холодно, — робко возразила Каталина.

— Мне тоже! — огрызнулась ее соседка. — Я ж не клацаю зубами!

Большие часы на Сан-Марко пробили десять раз. Каталина сунула руки под мышки и беззвучно зашептала молитву. В окно ударил порыв сырого осеннего ветра, и зубы у девочки застучали так, что она едва не отхватила себе кончик языка. Под дверью мелькнул тусклый свет — сестра Бенедика обходила комнаты воспитанниц.

Негромко скрипнули петли, и Каталина тут же закрыла глаза. Свет скользнул по комнате; дверь закрылась.

Вода в канале тихо плескала о стены монастырского приюта. Призрачные водяные блики плясали по стенам, словно холодные огоньки. Каталина свернулась в клубочек, не сводя с них глаз. Они были красивые, как грани драгоценных камней на дверях алтаря или стекла в витражах монастырской церкви. Блики танцевали в такт мягкому плеску снаружи, и девочка смотрела на них, пока не начало двоиться в глазах. На миг ей почудилось, будто по стене расползаются мокрые пятна, но она сморгнула, и наваждение пропало.

Как же холодно! Каталина плотнее сжалась на койке и подышала на пальцы; дыхание поднялось облачком пара. Она даже на улицах Фаренцы не мерзла так, как в приюте. Россыпь бликов перелетела на потолок и закружила над девочкой стайкой сверкающих бабочек. Вода шелестела за стеной — так близко, словно канал поднялся вровень с окнами.

Что-то тихо закапало в углу. Капли выстукивали ритм, и Каталина, не будучи в силах уснуть от холода, стала прислушиваться. Минуты капали одна за другой, а она все слушала и слушала. Капли стучали совсем близко, и наконец девочка разобрала в их ритме обрывки слов. Тихо-тихо, так, что еле различить, — слоги, тающие в темноте, звуки, сливающиеся в слова, вот только самих слов не разобрать. Каталина изо всех сил напрягала слух, стараясь не стучать зубами.

«Та-та-та, — стучали капли. — Да-да-да!..»

Где-то далеко-далеко тягуче забил колокол, отмечая одиннадцатый час. Его звук, дробясь и дребезжа, отразился от стен, зазвенел в ушах, как крышка старой

кастрюли, но едва он стих, как девочка снова услышала: «Тип-тип-тип... иди-иди-иди!»

Она села и спустила ноги с койки: пол вдруг оказался склизким от влаги. На штукатурке проступали мокрые пятна, сплетающиеся в странное кружево, которое растилалось по стенам и потолку. От сырости одежда липла к коже, и всюду было холодно. Но неважно: в стуче капель слышались нежный звенящий смех и веселый зов.

Каталина, мелко дрожа, огляделась. От стен и пола тянуло пронизывающим холодом, но капли настойчиво стучали, подсказывая что-то. Водяные блики скользнули по стене к окну и затанцевали вокруг рамы. Девочка сползла с койки, и из углов радостно закапало: «Да-да-да!» Подоконник тоже был скользким от воды, рама разбухла и пахла плесенью. Но когда Каталина налегла на нее плечом, дерево вдруг расползлось, как мокрая картонка. Девочка толкнула сильнее, и рама вывалилась из окна. Вода в канале поглотила ее и подняла темно-зеленые волны, словно руки, протягивая их к Каталине: «Ти-ти-ти... лети-лети-лети!»

Девочка высунулась из окна, наклонилась ниже, чтобы дотянуться рукой до волн — таких темных, бархатистых на вид. Вода вползла на стены, будто сама стремилась навстречу. Вдруг что-то толкнуло девочку в спину, и она сорвалась со скользкого подоконника. Темная вода всколыхнулась, упруго ударила в лицо, обвила Каталину ледяными волнами — и ей наконец стало тепло.

8 октября

Натан развернул хрустящую промасленную бумагу, с наслаждением вдохнул аромат и впился зубами в ореховый пряник. Валентина вплотную занялась его

питанием, включая завтраки на работе, и Бреннон почувствовал скорое появление в ремне новой дырочки. Брюки уже сделались немного тесноваты в поясе. Комиссар стал больше ходить пешком и почаще чесать кулаки в боксерском зале, где тренировались полицейские, пока не помогало.

«Вы гораздо лучше выглядите», — как-то заявил ему Бройд, и Бреннон тут же заподозрил, что причиной округлого сложения шефа являлся долгий счастливый брак. В Мазандране Бройд был значительно меньше в объемах. Комиссар взял карандаш, придвинул к себе отчет о вскрытии и вгрызся в пряник. Песочный, с карамельной начинкой, м-м!

В дверь постучали; Натан, с трудом отложив выпечку, выдавил: «Вдте!» Вошел Риган, несмело приблизился к начальству и протянул листок с прошением о двухнедельном отпуске.

— Сколько ж тебе лет? — спросил комиссар.

— Двадцать семь будет скоро, сэ.р.

— Такой молодой, еще бы жить да жить, — сказал Бреннон, подписывая, — а уже женишься.

Риган покосился на пряник и побормотал:

— Какие-то плюсы в этом все же есть...

— Но-но, — погрозил пальцем комиссар. — Это только за особые заслуги. По трупу в ювелирном движении есть?

— Да, сэ.р. Допросил местных — кое-кто смог в общих чертах описать налетчиков. Не портретно, конечно, но когда пара украденных вещиц всплыла у перекупщика и мы его взяли, то он узнал по описанию одного из подозреваемых. Джек Щербина, фамилии, понятно, нет, но личность в своем роде известная. Сэ.р, если я возьму

ребят, то сможем устроить облаву в кабаке, где он обычно отирается.

— Валяй, — разрешил Бреннон. — Но без глупостей. В первые ряды не лезь, усек? — Он постучал пальцем по прошению. Риган слегка покраснел.

— Я только с ноября прошу, сэр...

— А то ж. Что насчет мародеров?

— Пакую дело в суд. С моими закончил, могу подхватить тех, кто у Галлахера.

Бреннон кивнул. Ночка гражданских бунтов, устроенная Ройзманом, аукалась городу и департаменту до сих пор. К тому же среди горожан всегда находились те, кто готов убивать и грабить исключительно по зову души, без всякого внушения. А еще шестьдесят два испепеленных человека — штука ли! Именно из-за этого Бреннону пришлось отложить свадебное путешествие. Но наконец-то все более или менее утряслось, и Валентина занялась подготовкой поездки.

— Да, еще. Тут труп в борделе нашли, ван Виссен требует кого-то от нас. Займись на досуге.

— Хорошо, сэр.

Риган ушел, но едва комиссар вновь погрузился в описание травм неизвестной жертвы, найденной у вокзала, как в дверь снова постучали. Бреннон недовольно засопел и снова отложил пряник.

— Ну, кто там?

Это оказался Лонгсдейл, консультант по магическим делам, — в руке у него была телеграмма, которую он нес с крайне озадаченным и даже озабоченным видом. За консультантом, как всегда, следовал пес, и комиссар с некоторым удивлением отметил, что оба выглядят обеспокоенными.

— Доброе утро. Что у вас стряслось?

Консультант положил на стол телеграмму, а пес уселся перед Бренноном и вперился в его физиономию зловещим взглядом.

— Меня срочно вызывают в Фаренцу, — объявил Лонгсдейл.

— Куд-да-а-а?! — поперхнулся Натан. — Зачем?

Пес лапой придвинул к нему телеграмму. Она была на иларском, и комиссар не понял ни слова. Лонгсдейл опустил в кресло.

— Я и сам толком не разобрался. В Фаренце работает мой коллега Паоло Уркиола. Вчера вечером я получил от него эту телеграмму с просьбой немедленно приехать.

— А что в этом необычного? Вы ведь таким же образом вызывали нам на помощь мисс Эттингер и мистера Бергмана.

— Здесь дело в чем-то другом. В Фаренце находится приют для девочек Санта-Александра. В ночь на шестое число девять воспитанниц утопились в Большом канале, выбросившись из окон. Тела так и не нашли.

— Черт подери! Ваш коллега считает, что это из-за магии?

— В этом-то и проблема! — Лонгсдейл нахмурился. — Для консультантов это обычная рабочая ситуация. Я не могу понять, что встревожило синьора Уркиолу настолько, чтобы он срочно потребовал моего присутствия. Больше того — утром со мной связалась фройлен Эттингер. Она и еще несколько консультантов получили от Уркиолы такие же телеграммы.

— Гм. А он не может сообщить вам какие-нибудь подробности?

Пес громко запыхтел. Лонгсдейл как-то настороженно подобрался и, тщательно выбирая слова, произнес:

— Час назад я попытался связаться с синьором Уркиолой, чтобы обсудить ситуацию. Не телеграммой, а другим образом. Но он не отозвался. Фройлен Эттингер сказала, что тоже пыталась, однако тот словно исчез без следа, едва отослал мне телеграмму.

— Думаете, еще кто-то вроде Ройзмана? — тихо спросил Бреннон. А ведь Редферн ему говорил...

— Не знаю. Надеюсь, что нет, но после истории с фройлен Эттингер... может, если бы мы активнее следили за тем, что происходит с нашими коллегами, то до этого бы не дошло.

— Вы решили ехать?

— Да. Ни фройлен Эттингер, ни прочие консультанты сейчас не могут оставить работу, а у нас как будто пока все спокойно.

— Ну, спокойствие — штука непредсказуемая, сегодня есть, завтра нет. Но поезжайте, конечно. Если бы мои коллеги из другого города запросили помощи, то я бы уже паковал чемодан.

— Больше всего меня волнует это странное исчезновение, — признался Лонгсдейл. — Не могу представить, что с ним могло случиться.

— Редферн упоминал гибель одного консультанта — лет сорок или пятьдесят назад. Но ведь вас же нельзя убить, я сам видел.

— Убить — нет. Но можно полностью уничтожить.

— Э... как это?

— Например, мгновенно испепелить. Не в обычном огне, разумеется. Такое случилось в тысяча восемьсот девятнадцатом году с моим коллегой из Дейра, Альбертом

Джефферсоном, когда он пытался закрыть провал на ту сторону.

Пес недовольно заворчал, Лонгсдейл заерзал в кресле. Бреннон внимательно на него посмотрел, достал из ящичка фляжку с виски, стаканчик, плеснул в него бодрящей влаги и придвинул к консультанту.

— Выпейте. Вы думаете, этот ваш Уркиола в ходе расследования влез в какой-то провал?

— Не просто в какой-то. — Лонгсдейл выпил виски и удивленно спросил: — Зачем вы мне его дали?

— Считайте, это жест поддержки. Я был в Фаренце, и гиды с лодочниками рассказывали мне, что на одном из островов в заливе есть потусторонняя дрянь.

— Это не дрянь. На Лиганте находится самый крупный провал на нашем континенте.

— Чего?! — подскочил комиссар. Пес мрачно покивал. — Но там же город рядом и людей вокруг полно! Как же... в Эдмуре же...

— Вокруг провала на Лиганте установлен защитный купол, и следить за его состоянием — обязанность Паоло Уркиолы. Была, — подытожил Лонгсдейл и протянул Бреннону рюмку: — Еще есть?

Натан обалдело помолчал, наливая виски, и наконец спросил:

— Но почему никто не закрыл эту чертову дыру? Рядом с ней минимум сотня тысяч людей!

— Сто шестьдесят, если быть точным. К сожалению, закрыть провал на Лиганте нельзя.

— То есть как? Вы же закрывали у нас тут, в храме, а Полина Дефо в Эдмуре вообще в одиночку справилась.

— Это лишь мелкие прорехи, — усмехнулся Лонгсдейл. — Провал на Лиганте настолько глубок и обладает

такой мощью, что при установке защитного купола из двенадцати консультантов выжил только Паоло Уркиола. — Бреннон тихо присвистнул. — Он никогда не покидал Фаренцу, следил за провалом все эти годы, а теперь и Лиганта, и купол над ней остались без присмотра. Именно поэтому я должен ехать.

— Неужели никто не пытался обезвредить эту бомбу, тикающую рядом с большим городом?

— Вы уже видели, как закрывают провалы. Для этого надо войти под купол и встать рядом, что в случае с Лигантой невозможно даже для консультантов. И если не найдется никого, кто заменит Уркиолу, тогда в Фаренце придется остаться мне.

— Проклятие! Не хотелось бы показаться эгоистичной скотиной, но меня гораздо больше устраивает ваше присутствие здесь. Слушайте, — нахмурился Бреннон, — я бы на вашем месте все же вызвал на подмогу хотя бы одного из ваших. Если дело и впрямь настолько серьезное, кто-то должен подстраховать вас и прикрыть спину.

— Мы это уже обсуждаем. Возможно, через день или два ко мне присоединится кто-нибудь из моих коллег.

— Когда вы едете?

— Сегодня. Боюсь, Джен мне придется взять с собой.

Бреннон от этой вестии не расстроился. Ведьма уже сожгла живьем шестьдесят с лишним горожан, и комиссар больше не хотел таких сомнительных подвигов.

— Будьте осторожны. Надеюсь, у вас найдется время прислать весточку-другую. Я хоть не способен вам ничем помочь, но все-таки хотел бы знать, что с вами все в порядке.

— Хорошо, — кивнул Лонгсдейл. — Кстати, когда вы с миссис Бреннон уезжаете?

— Через несколько дней. Но завтра я еще буду здесь.
— Договорились. Я напишу вам по приезде.
— Насчет вас я сообщу Бройду сам, — добавил Бреннон, уже представив себе восторг шефа от такой новости, да еще и в преддверии отъезда самого комиссара в свадебное путешествие с женой.

Маргарет затаилась под высокими купами бузины. Уже вечерело, и холодок осенних сумерек заползал под жакет и шарф. Пальцы тоже немного мерзли — колдовать в перчатках у девушки пока почему-то не получалось.

В траве послышался слабый шорох; Маргарет подняла револьвер, одновременно концентрируясь на заклятии. По крайней мере, в похищении, устроенном Ройzmanом, был один плюс: много месяцев мисс Шеридан буквально умоляла Энджела не мучить ее ботаникой. И вот наконец по возвращении из Доргерна наставник признал ее ботаническую бездарность и заявил: «Теперь вы будете намного активнее практиковаться в защите и нападении». Вот этим Маргарет и занималась уже несколько часов...

Шорох приближался. Девушка взглянула на часы, которые повесила на ветку рядом. Они показывали, что ползучая гадина уже в пяти ярдах.

— Scutum, — шепнула Маргарет; над ее левой рукой возник невидимый щит. Из травы с шипением вырвалась змеевидная тварь, раздула капюшон и ринулась к девушке, капая ядом с клыков. Мисс Шеридан упала на колено и, когда гадина взвилась над ней, выстрелила, прикрывшись щитом.

Голова змеи лопнула, извивающееся тело отбросило назад и, пока оно не отрастило новую башку, Маргарет сожгла его в пламени свежестуденного огненного заклипания. Справа мелькнула тень. Девушка отшатнулась и бросила навстречу щит. Он разлетелся на куски, но отклонил удар незримого лезвия, так что оно впилося в бузину.

— *Sphaera in ignis!* — крикнула мисс Шеридан. Вокруг Энджела сомкнулся прозрачный шар, и трава поблизости от него мгновенно обратилась пеплом. Наставник погасил шар, рассеял в воздухе и с укоризной заметил:

— Маргарет, ваша сфера должна была нагреваться внутри, а не снаружи.

Девушка с досадой прикусила губу, а Энджел обвел учебный полигон удовлетворенным взглядом:

— На сегодня хватит. Вы учинили достаточно разрушений, чтобы получить ужин и небольшой подарок.

— Подарок? — с подозрением переспросила Маргарет.

В прошлый раз Редферн принес ей коробку шоколадных конфет, которую окружали парализующие чары. К тому времени, когда девушке удалось их взломать, конфеты растаяли, превратившись в малоаппетитный ком.

Наставник галантно предложил мисс Шеридан руку, и они направились к замку. Ужин был накрыт на застекленной террасе. Энджел в заботе о том, чтоб его воспитанница не отошала от непосильной учебы, распорядился приготовить перепелок в тыкве, запеченную сладкую фасоль и закуски.

— Вот странно, — задумчиво заметила Маргарет, пока он вынимал из тыквы птичек, — если в нашем мире то и дело происходят войны, катаклизмы и прочие

катастрофы, то почему в нем нет множества дырок на ту сторону? Он мог бы быть испещрен ими, как меерзандский сыр.

— Вы упускаете из виду первопричину, маленькое несведущее создание.

— Какую? Одна куча людей поубивала другую кучу людей. Почему в итоге не появилась куча порталов?

— Дело в равновесии. — Редферн положил ей фасоли и полил сверху соусом из тыквы. — Одна армия против другой армии — это вооруженные люди по обе стороны. Все они способны нападать и защищаться. Совсем другое дело — тысячи невинных жертв, погибших внезапно. Еще перепелку?

— Нет, спасибо. Но ведь не каждый катаклизм или эпидемия приводят к открытию стихийных порталов. На месте Антарны после извержения должна быть огромная дыра, так ведь нет ни одной, кроме тех, что прокопали археологи.

— Вы забываете еще кое-что. — Энджел налил себе вина. — Никто из нас не знает, что происходит с той стороны. Я уверен, что там тоже возникает какой-то процесс, влияющий на появление порталов. Приятного аппетита.

— Приятного аппетита, — ответила Маргарет.

Наставник не любил говорить о порталах, и девушка догадывалась почему: не только из-за того, что случилось с ним на Лиганте, но и потому, что не было никакого способа изучить их со всех сторон или предотвратить их появление.

Мисс Шеридан крепилась до самого десерта, но вопрос, ужаливший ее в мозг, был так интересен, что она не сумела удержать его в себе:

— Энджел, а вы никогда не пытались отправить на ту сторону какой-нибудь механизм вроде крысы, которую брали в Эдмур?

— Пытался, — сухо отозвался наставник.

— И что?

— И ничего. Я потерял с ним связь, едва зонд ушел на ту сторону.

— Жалко...

— Это еще неизвестно, жалко или нет. С той стороны иногда приходят не монстры, а такая зараза, которую вам и в страшном сне не представить. — Редферн помрачнел, и Маргарет не стала продолжать разговор. К тому же около тарелки Энджела лежали книга и маленький деревянный тубус; девушка догадывалась, что это тот самый подарок, и ей хотелось поскорей его вскрыть.

После десерта, фруктов и вина наставник снова повеселел и, когда вся посуда исчезла со стола, небрежно подтолкнул к Маргарет тубус:

— Открывайте.

Мисс Шеридан тщательно изучила щедрый дар на предмет ядовитых игл, вредоносных чар и зелий, обезвредила ослепляющее заклинание и наконец осторожно раскрутила тубус. Внутри лежал свиток, стянутый черной бархатной ленточкой с личной печатью Энджела. Маргарет бережно вытряхнула свиток на скатерть.

— Что это?

— Разверните и прочитайте.

— А со мной ничего после этого не случится?

Энджел, явно забавляясь, понаблюдал за попытками девушки стащить ленточку с помощью зубочистки и ответил:

— Конечно, я мог бы подарить вам на день рождения хорошую лошадь или новые револьверы, но мне подумалось, что Цепь Гидеона пригодится вам больше.

Маргарет дернулась так, что выронила свиток, и неверяще уставилась на Редферна:

— Что?!

— Не бойтесь, оно совершенно безопасно. Для вас.

— Но... но... но я думала, что... — Она задохнулась. Энджел, рассказывая об утерянных заклетиях Гидеона, ни словом не упомянул, что у него в закромах валяется одно из них! — Откуда оно у вас?!

— Я долго его искал, и эта находка стоила мне немалых усилий. Заклетья Гидеона нелегко обнаружить спустя столько веков...

— И вы отдаете его мне?

— Да. — Энджел отвел взгляд. — Я отдаю его вам, чтобы вы всегда были в безопасности.

«Это из-за того, что случилось, из-за Ройзмана...»

Он до сих пор не мог себе простить, а Маргарет не хотела об этом вспоминать.

— Цепь Гидеона не похожа ни на одно заклетие, которые вы видели раньше. Ее не сдержать браслетами, которые использовал Ройзман, но если вы решите ею воспользоваться, назад пути не будет. Цепь Гидеона нельзя отменить или прекратить ее действие.

— Как так?

Энджел протянул девушке книгу.

— Прочтите. Здесь все ответы. Гидеон создавал уникальные заклинания, и если бы я только мог понять, как ему это удавалось!

— Но разве я смогу им воспользоваться? — робко спросила Маргарет. — Я же еще и года не проучилась, чтобы...

— Я вам помогу. Полагаю, вы достаточно освоили высокую концентрацию, чтобы не убиться при его использовании.

— А если не освоила?

— Озеро в пещере всегда к вашим услугам.

— Погодите, я запуталась, — нахмурилась Маргарет. — Вы сможете мне его использовать, но как же я потом буду применять его сама?

— Цепь Гидеона после прочтения заклятия останется с вами навсегда. Вам нужно будет научиться управлять ею, но после того, как вы примените это заклинание, вы никогда уже не сможете от нее избавиться. — Энджел прижал книгу к груди Маргарет. — Прочтите и подумайте хорошенько. Когда вы решитесь...

— Спасибо, — шепнула девушка. Она знала, почему такой подарок: после того как Энджел понял, что не всегда может обеспечить безопасность своей ученицы, он хотел, чтобы она могла сама себя защитить.

Наставник вдруг обнял девушку, коснулся губами лба, несколько раз поцеловал ее волосы. Маргарет слабо вздрогнула и отстранилась. Редферн пристально посмотрел на нее, и девушка поторопилась отвести глаза, занявшись упаковкой свитка обратно в тубус.

Когда мисс Шеридан снова взглянула на Энджела, он стоял около окна: закатные блики бросали румянец на его бледное лицо и подкрашивали каштановые волосы рыжим, словно пламя костра. Он был задумчив и вдруг показался Маргарет очень печальным. Девушка подошла к учителю. Ей хотелось коснуться проступивших

морщинок у его глаз, поцеловать в ответ, прижаться к его груди — но она только взяла его руку и сказала:

— Это не из-за вас. Я знаю, что вы не станете делать ничего... такого, как Ляйднер. Мне просто нужно еще время. Немного.

— Да, — мягко сказал Энджел. — Я знаю.

Маргарет снова прикусила губу. Анатомический атлас совершенно однозначно толковал бурные ощущения, которые вызвали у нее действия Энджела тогда, в ее спальне дома. Однако этот же атлас содержал суровое предупреждение, о котором девушка размышляла так долго и мучительно, что сейчас выпалила, почти не раздумывая:

— И я не хочу забеременеть! — И залилась жгучей краской, когда Редферн поднял бровь и насмешливо протянул:

— Ах, так дело еще и в этом...

В его руке появился флакон темно-зеленого стекла, полный какой-то жидкости.

— Возьмите. Это мирхина. Противозачаточное. Один глоток за пять минут до собственно акта...

— Я поняла!

Наставник вручил ей флакон и уже собрался выдать что-то ехидное, как вдруг из кармашка для часов раздался громкий писк. Энджел вытащил часы и щелкнул крышечкой. Красный шарик под стеклом замер, пульсируя ярко-алым цветом. Такого Маргарет еще не видела — обычно шарик двигался, указывая на приближение нежити или нечисти.

— Что это значит, Энджел?

— Я поднимусь в свой кабинет. Мне требуется кое-что проверить.

— Я вам нужна?

— Нет. Идите почитайте книгу.

Девушка взяла подарки и следом за Энджелом поднялась по лестнице, только он свернул в кабинет, а мисс Шеридан — к своим комнатам. Там она убрала свиток и флакон в ящик комода и села за книгу. Однако любопытство родилось гораздо раньше Маргарет — даже самая интересная книга про самое лучшее в мире заклятие не могла увлечь девушку, пока она не узнает, что такого случилось с часами и что наставник делает у себя.

Дверь в кабинет Редферна была приоткрыта, и Маргарет, постучавшись из вежливости, переступила порог. Энджел, покачивая часы на цепочке, стоял у большого серебристого глобуса, который обычно мерно вращался над треногой рядом с рабочим столом. Но теперь шар застыл, а один из участков карты был сильно увеличен и парил над ним. Вид у Энджела озадаченный.

— Что случилось? — спросила мисс Шеридан и поглядела на карту. Это было северо-восточное побережье Илары, где в глубоком изгибе залива лежала Фаренца, раскинувшись на сотне островков.

— Не могу понять, — пробормотал Редферн. — Мне поступил сигнал, но ведь все в порядке. — Он еще pokrутил карту, и она сместилась дальше в залив, к островам... точнее, к одному острову. — С какой стати прошел сигнал, там же есть консультант?.. Или уже нет? — Энджел нахмурился, отступил от глобуса и выдвинул ящик стола.

— Вы ведь говорили, что не следите за ними.

— За всеми — конечно, нет. Только за одним.

— Но почему?

Редферн вытащил из ящика продолговатый кристалл на цепочке. Внутри мерцал рой зеленых искр.

— Потому что этот консультант, Паоло Уркиола, — единственный, кто все время наблюдает за Лигантой.

Сердце Маргарет екнуло от любопытства. Неужели она наконец узнает об этом острове что-то интересное? Энджел никогда не рассказывал, и прочитать было негде — он явно прятал все записи, если они вообще существовали.

— А зачем он за ней следит?

— Не столько за ней, — наставник осмотрел кристалл, протер его тряпочкой, — сколько за провалом на ту сторону на этом острове.

— Так он до сих пор открыт?! — закричала Маргарет. Энджел поднял на нее потемневшие глаза, и она вдруг осознала, что наставник никогда не рассказывал ей о том, что же стало с провалом на Лиганте. — Но почему?! Там же целый город рядом! Сотня тысяч людей! Как вы...

— Если бы я мог его закрыть, неужели вы думаете, что не закрыл бы?

— Но... тогда как же...

— Я разработал технологию консервации и полной изоляции для провала на Лиганте. Над ней был создан защитный купол, а вокруг установлен периметр, не пропускающий никого в ее прибрежные воды и не выпускающий ничего оттуда. Уркиола все эти годы следил за состоянием купола и периметра, а теперь... — Энджел пробормотал заклинание, еще больше увеличил карту и погрузил в нее кристалл. — А теперь посмотрим...

Рой искр вырвался из кристалла и закружился по карте, как метель. Маргарет замороженно смотрела на них, пытаясь осмыслить такое открытие. Она и не подозревала, что провал открыт. Ей почему-то казалось, что

он закрылся — ведь для этого же и существуют консультанты, верно? Они наверняка нашли такую огромную дыру на ту сторону и позаботились... но почему у них не получилось? Почему пришлось консервировать остров? И что будет, если...

Девушка встряхнула головой, отгоняя эту мысль. Искры на карте вспыхнули и вдруг погасли одна за другой. Энджел убрал кристалл и озабоченно побарабанил пальцами по столу.

— Странно, — наконец изрек наставник. — Уркиола исчез. Но купол и периметр над Лигантой — вот они, нетронуты и совершенно целы. А раз так — то куда же он подевался?

— Может, уехал?

— Нет, тогда амулет, — Энджел помахал кристаллом, — указал бы куда. Куда этот чертов консультант мог утащиться, если должен сидеть и следить... О! — вдруг встрепенулся он. — Маргарет, ваш дядя, кажется, собирается в свадебное путешествие по Иларе?

— Энджел! — с упреком воскликнула девушка. — Ну вы же не собираетесь просить дядю лазить по вашей Фаренце в поисках консультанта в свой единственный медовый месяц?

— А почему нет? — хладнокровно сказал Редферн. — Что может ему помешать? Я же не прошу его залезть в склеп с упырями и упокоить их заклинаниями. Обычная розыскная работа...

— Но он едет в свадебное путешествие!

— Да я ему заплачу, если дело в этом. Уверен, ваш дядя уже через три дня от скуки взвоет без работы, а так и ему развлечение, и мне... нам польза.

— Ох, ну ладно, — сдалась мисс Шеридан. В конце концов, у нее на столе лежала интересная, еще не читанная книга про заклятие Гидеона, а дядя Натан достаточно взрослый, чтобы самостоятельно послать Энджела с его деловыми предложениями куда подальше.

9 октября

Там была собака. Большая рыжая собака. Ренцио облизнула губы. Пес лежал у крыльца, опутив башку на лапы, и лениво наблюдал за редкими прохожими. Но стоило девочке шагнуть к дому, как пес приподнял морду и пристально уставился на нее. Ренцио замерла. Она никогда раньше не видела тут этой собаки, но в дом теперь не попасть.

Синьор, который жил здесь, вот уже два дня как отбыл неизвестно куда. Отличное время, чтобы залезть в окошко и пошарить в ящиках и шкафах. Лакомый кусок — правда, раньше что-то отталкивало их всех от этого дома. А сейчас... Ренцио была настолько тощей, что втиснулась бы в лисью нору, и вот все прахом: здесь лежит собака. Здоровущая какая! Без мяса с отравой не обойтись. Девочка сердито сплюнула, завернулась в дырявую шаль и побрела прочь.

На узкой улице в такую рань никого не было. Справа высились дома, слева плескалась вода. Ренцио держалась ближе к строениям — каналы она не любила. Вдруг позади мелькнула тень, и девочка испуганно шаррахнулась. Проклятущая псина! Она неторопливо топала по мостовой, иногда нюхая воду.

«Да чтоб ему! Ничего он там не охранял! Просто так у крыльца валялся! Камнем бы в него швырнуть, но камня под рукой не было. Хотя... Холеный, — подумала

девочка; пес сунул в воду лапу. — Может, его увести и продать? Но как увести такого огромного? Он же наверняка как куснет! И залает, как пить дать! Да ну его...»

Она осторожно попятилась от собаки и пошла к виа Марчио. Сейчас едва светало, осенние утренние сумерки были холодными и густыми. В шелесте волн, водяных бликах канала, запахе тины и водорослей было страшное. Ренцио отступила ближе к домам и ускорила шаг.

В канале вдруг так сильно плеснула волна, что брызги окатили девочку до колен. Ренцио натянула повыше шаль и покосилась на канал. Никогда они ей не нравились — швырнул тело с камнем на шее в воду, и делов! Ни следа, ни намека, ищи сто лет — и не найдешь. Уж сколько раз... Ренцио растерянно замерла. Ей вдруг слышался странный звук — словно под водой кто-то тихонько пел. Но кто там может петь, там же только тина, водоросли и мусор?

В голове у нее слабо зашумело — так же, как гудит раковина, если поднести ее к уху. По маслянисто-темной поверхности воды плясали лиловые и бледно-фиолетовые отсветы, будто на глубине плыл кто-то с фонарем. Сквозь шум в ушах девочка разобрала чьи-то голоса — веселые, красивые, доносящие откуда-то снизу.

«Бежать...» — подумала она, но нежный мелодичный плеск волн заставил ее сделать шагок к воде, потом еще и еще. Блики весело танцевали, голоса звучали все отчетливей, и когда девочка подошла к краю, чья-то ледяная рука цепко схватила ее за лодыжку и дернула вниз.

Ренцио стукнулась о камень так, что нога и бок онемели от боли. Холодные пальцы впивались в ее кожу, как когти, и она съехала по склизкой мостовой в черные волны канала. Но прежде чем над ее головой сомкнулась

вода, на краю мостовой вспыхнула огромная огненная фигура, и рыжий пес с ревом нырнул в канал.

Вода мигом разогрелась, как в чайнике. Пронизывающий холод, от которого сердце Ренцио едва не остановилось, исчез, а мечущиеся вокруг белесые тени отпрянули. Пес схватил девочку за шкурку и выпрыгнул на мостовую. Он бросил Ренцио себе под брюхо и встал над ней, глухо рыча, — живая гора из огня и жара. Над водой раздался дикий злобный визг — звук заскакал по волнам, дробясь и рассыпаясь эхом, а потом из канала с плеском вырвались три светлые фигуры.

Ренцио откашлялась, отплевалась, подняла голову и оцепенела: над водой кружили девочки в длинных рваных рубахах. Их лица были странно искажены, кожа источала бледное свечение, а в приоткрытых ртах виднелись ряды зубов, один за другим, уходящие прямо в глотки. Пес припал к камням мостовой и испустил такой рев, что у Ренцио чуть дух не вышибло. Она зажала руками уши и сжалась в комок. Ей бы ни за что не удалось сдвинуться с места — руки и ноги почти отнялись от страха, даже сердце еле билось.

Вдруг одна из девочек ринулась вниз, как хищная птица. Перед Ренцио мелькнули белые лохмотья, кости вместо ног, длинные когти на птичьих лапах, — а потом пес прыгнул. Он вцепился в девочку-призрака, повалил ее наземь и вонзил в нее клыки — трепал, раздирая в клочья, топтал лапами, и огонь прожигал ее тело... Она так визжала, что у Ренцио голова чуть не лопнула. От ужаса девочка вжалась в камни мостовой, зажмурилась и наконец провалилась в глухой мрак.

...Она очнулась от того, что по лицу елозила горячая мокрая шершавая тряпка. Ренцио замотала головой

и ткнула локтем во что-то теплое и мягкое. Открыла глаза. Над ней стоял пес. Его глаза горели, как угольки, но шерсть уже не пылала, и из пасти свешивался большой розовый язык. Впрочем, язык псина тут же втянула. Рядом на корточках опустился какой-то синьор, и Ренцио попыталась отползти. Она-то знала, чем занимаются всякие синьоры, когда им удастся поймать на улице девочку!

...а у этого еще и глаза светились бледно-голубым...

— Не бойся, — с мягким акцентом сказал он. — Это мой пес.

Девочка сглотнула. Синьор оказался таким рослым здоровяком, что мог бы придушить ее одной рукой, если б только подумал, будто она хотела украсть его собаку.

— Кругом чисто. — Около них остановился худощавый черноволосый парень. — Другой нежити рядом нет.

Синьор кивнул. На вид он был серьезным и добродушным, но они все с первого взгляда ничего, а на деле...

— Расскажи нам все. С того момента, как поняла, что происходит нечто странное.

Почему им всем надо, чтобы с ними говорили?! Ренцио вот за всю жизнь ни словечка не сказала, и ничего, не померла!

— Если ты не хочешь говорить, — продолжал синьор, — то просто расслабься и вспомни сегодняшнее утро.

— Может, не будем заниматься этим здесь? — недовольно спросил парень. — Давайте хотя бы за какой-нибудь угол свернем.

Ренцио подобралась. От этих могут спасти только быстрые ноги. Надо просто выбрать минуту и внезапно броситься бежать. Будто мало ей этих водяных призраков!

Она вспомнила ледяные пальцы, зубастые пасти и мелко затряслась.

— Никто не причинит тебе вреда, — сказал синьор, и пес опустил тяжелую лапу ей на плечо.

— Мы дадим тебе еды и денег, — вмешался его приятель. — Времени уйдет минут пять, а потом можешь валить на все четыре стороны.

Вот-вот, всего-то останься с синьором на минуточку, он даст тебе денег и хлебушка. Ренцио собрала в кулак остаток сил, вскочила и рванула прочь. Парень сцапал ее за шкуру и поднял извивающуюся девочку в воздух, как пук моркови. Она пнула его изо всех сил, но он даже не дернулся, поймал ее за подбородок и уставился ей в лицо. Ренцио не успела зажмуриться. В очень черных, без блеска глазах парня вспыхнули огненные кольца. От этого жуткого взгляда девочка обвисла, будто тряпичная кукла, в голове помутилось, и дальше она не помнила...

«Какого черта ему надо?» — сердито думал Бреннон, прогуливаясь с Валентиной по набережной. Как будто по воскресеньям им заняться больше нечем, только бегать на встречи с пироманом!

— Письма пишет, — проскрипел комиссар, пронизывая раздраженным взором толпу горожан, гуляющих по набережной. — Встречи назначает! Я ему кто — друг семьи, что ли?

— Но вдруг он что-нибудь знает о пропавшем в Фаренце консультанте? Ты так беспокоишься за Лонгсдейла, а мистер Редферн, быть может, следит за этим городом.

— Не уверен, что после рассказов пиромана мне легче, — буркнул Натан. Лонгсдейл, пес и ведьма отбыли в Фаренцу восьмого числа после полудня. Консультант обещал писать по мере возможности, но Бреннон, памятуя о прошлых делах, сомневался, что тот сумеет выкроить на это время.

Валентина взяла комиссара под руку, и его раздражение утихло. К тому же денек был просто чудо: пригревало солнышко, на небе до самого горизонта — ни облачка, даже вода в Уире казалась теплой, как летом. Горожане с удовольствием гуляли, обсуждая необычно теплый октябрь.

— А потом ничего не случится? — тихо спросил Натан, поглаживая руку вивене¹. — Ну, с погодой и вообще, от того, что ты тут влияешь...

— Нет, — безмятежно отозвалась она. — Я же знаю, что делаю. Все равно нам скоро уезжать, так почему бы не насладиться теплом перед отъездом? Когда мы вернемся, будет уже глубокая осень.

Бреннон хмыкнул: похоже, блэкуитцы ничего не имели против затянувшегося лета. Раз он не смог увезти Валентину в путешествие сразу после свадьбы — то почему бы ей не порадовать себя теплом и солнышком? Они собирались на юг Илары, где, как сказала Валентина, в это время года чудесная погода. Впрочем, чудесную погоду они наверняка привезут с собой.

За время, прошедшее после женитьбы, Натан немного пообвыкся в новом положении, одним из весомых

¹ Вивене (они же агуане, они же брегостене или пантегане) — фольклорные персонажи из местных легенд сел и деревень в предгорьях Альп. Это духи жизни, которые оберегают реки, леса, луга и поля. Валентина также является хранительницей места.

плюсов которого было обитание прямо напротив работы. Бреннон особенно оценил это, когда днями и ночами разгребал последствия ночного бунта, устроенного злобным магом Розйманом. Всегда приятно, доработав до часу ночи, перейти улицу и оказаться дома.

Еще больше Натан оценил деликатность, с которой Виктор перевесил портрет отца к себе в комнату. Дети Валентины не имели ничего против комиссара, но он все равно чувствовал, что движется по очень тонкому льду — например, Марион была явно равнодушна к ведьме... то есть дворецкому мистера Лонгсдейла, потому что Джен носила мужское обличье. И хотя Джен не отвечала на скромные знаки внимания от девушки (слава богу!), Натан пока понятия не имел, как выпутаться из этой ситуации. Так что поездка в Илару была очень кстати, чтобы собраться с мыслями и подумать, как быть и с Марион, и вообще с этим внезапным отцовством.

— Вот они, — сказала Валентина.

Бреннон засопел. Редферн и Маргарет сидели в одной из беседок, которые мэрия для удобства гуляк натыкала там и сям вперемешку с клумбами. Пироман что-то рассказывал девушке, указывая тростью то на одно, то на другое здание. А если учесть, что он был ровесником кафедрального собора, то Бреннон даже думать не хотел, что именно Энджел способен поведать ученице.

— Мне кажется, они вполне счастливы, — примирительно заметила Валентина. — По-моему, мистер Редферн пытается, хм-м-м... наладить с тобой родственные отношения.

— Отлично пытается, даже не потрудился показать ее семье.

— Но он же все равно старается!

Симпатия Валентины к этому типу была Натану совершенно непонятна. Поэтому он ничего не ответил и направился к беседке, которую все остальные горожане обходили по дуге.

— О, дядя, добрый день! — приветливо воскликнула Маргарет, взглянула на вивене и неуверенно добавила: — Тетушка?

— Как хочешь, дитя, — отозвалась Валентина. Редферн встал и поклонился ей; комиссар, понятно, никакого приветствия не дождался. Вместо этого пироман усталился на Бреннона, как кот — на кувшин сливок, и заявил:

— Я хочу вас нанять.

Маргарет тяжело вздохнула, и Натан понял, что она уже пыталась привить наставнику представления о приличиях, но безуспешно.

— С чего это вдруг? Я буду занят в ближайшие две недели.

— В ближайшие две недели, — изрек этот тип, не обращая внимания на то, как намекающе дергает его за рукав Пегги, — вы совершенно свободны. Чем вам, в конце концов, еще заниматься в свадебном путешествии?

— В свадебном, — подчеркнул Бреннон, — путешествии. С моей женой. Неужели вы думаете, что мы не найдем занятия?

Пироман помолчал, переводя взгляд с Валентины на комиссара, и наконец вкрадчиво осведомился:

— Неужели вам даже не интересно, зачем я хочу вас нанять?

— Я обязательно поинтересуюсь, когда мы вернемся из путешествия.

— Но я же вам заплачу! — воскликнул Энджел.

— Слушайте, — после паузы спросил комиссар, — вы вообще понимаете, что значит слово «нет»?

Судя по физиономии пиромана, он считал, что ему-то отказать невозможно, и потому сдаваться не собирался:

— Но что вам мешает меня выслушать, а только потом отказывать?

— В самом деле, Натан, — мягко сказала Валентина, — давай просто послушаем. Вдруг это важно?

Бреннону вспомнились Ройзман, Полина Дефо, Джейсон Мур, и он наконец неохотно буркнул:

— Ну что у вас там?

— В Фаренце исчез консультант, Паоло Уркиола, который должен был надзирать за состоянием провала на Лигенте, — на одном дыхании выдал пироман. Комиссар дернулся, как подстреленный. Черт подери! Таких совпадений не бывает!

— Вы что, следите за ним?

— Именно за этим консультантом — да, поскольку он отвечает за...

— В ночь на шестое октября в Фаренце утопились девять девочек из приюта Санта-Александра, — перебил Бреннон. Энджел вздрогнул всем телом, темные глаза расширились. Маргарет сжала его руку, и они обменялись встревоженными взглядами.

— Энджел, это похоже на ритуал! Вроде жертвоприношения, которое хотел устроить Джейсон Мур, — сказала Пегги.

— Думаю, дело гораздо хуже, — произнес комиссар. — После гибели девочек Уркиола разослал телеграммы коллегам с просьбой как можно скорее прибыть в Фаренцу. Однако никому из них больше не удалось с ним связаться, как будто сразу после этого он исчез.

Редферн встал и, напряженно хмурясь, прошелся по беседке.

— Что настолько напугало консультанта в этих смертях? — спросил у него Бреннон.

— Не знаю. Девять жертв — слишком обычное число, оно используется во множестве ритуалов. Мне нужны детали, какие-нибудь особенности, незамеченные тонкости...

— Ну так и езжайте сами в Фаренцу. Я-то вам зачем?

Пироман остановился посреди беседки и резко бросил:

— Я не могу даже приближаться к Фаренце. Не будьте идиотом! Вы же видели, как провал в Эдмуре притянул Полину Дефо.

— Так этот ваш провал накрыт каким-то куполом, Лонгсдейл говорил, что этот купол Уркиола и караулил.

— Не сравнивайте мышиную нору с расколом от землетрясения! Даже под куполом портал такой мощи притянет меня, как магнит — железную стружку.

— Лонгсдейл уехал в Фаренцу вчера, как раз чтобы разобраться с...

— Именно поэтому, — игнорируя Натана, продолжал Редферн, — вместо меня туда поедете вы. То есть вы двое, раз уж у вас свадебное путешествие.

— Вы глухой? В Фаренцу уже отбыл Лонгсдейл, и уж он-то справится с потусторонней дрянью всяко лучше меня. Мы собираемся уехать...

— Да какая вам разница, где ездить? По Фаренце, занимаясь полезным делом, или по древним руинам, впустую растрачивая время и деньги?

— Вы забываетесь, Редферн. Я не ваш служащий, — холодно напомнил комиссар.

— Натан, — успокаивающе прикоснулась к нему Валентина, — он в целом прав.

— В целом? А в деталях? В деталях он прав? Неужели ты хочешь провести наше путешествие посреди сырого, промозглого, провонявшего тинной города?

— Посреди города, набитого людьми, как бочка сельдью, — тут же уцепился пироман, — рядом с которым находится самый крупный провал на ту сторону на нашем континенте, в городе, где уже пропал консультант. Вас это никак не волнует? — Он выжидательно уставился на Бреннона, словно полагал, что комиссар тотчас выдаст решение проблемы.

Маргарет открыла сумку, которая все это время лежала рядом на скамье, вытащила дюжину увесистых тетрадей в толстом переплете и протянула их комиссару.

— Здесь все собранные Энджелом материалы по провалу на Лиганте. Данные наблюдений за несколько столетий. Дядя, ты можешь просто передать их мистеру Лонгсдейлу, а потом отправиться дальше, на юг Илары. Вы же туда собираетесь?

— Угу, — буркнул Натан, почти против воли взял одну из тетрадей, открыл и взглянул на дату: «Ориентировочно 13 января 1631 года».

— Ориентировочно?

— Я не совсем уверен, до открытия портала я... со мной произошел ряд других событий. — Редферн угрюмо замолчал, всем своим видом показывая: «А каких именно — не ваше дело».

— Хорошо, — буркнул Бреннон, — я отдам Лонгсдейлу ваши тетради. А потом уже сами общайтесь с ним насчет пропавших консультантов и чертовых ритуалов.

«Духоподъемное чтение», — кисло подумал Натан, когда дочитал третью тетрадь к вечеру воскресенья. Самое то перед началом рабочей недели. Так и лезут мысли о тщете всего сущего... Одна из них особенно не давала Бренному покоя.

— Редферн изобрел и установил купол вокруг острова в тысяча шестьсот девяносто втором году, — сказал комиссар. — Но что сдерживало провал шестьдесят один год до этого? Пироман полагает, что именно твои сородичи не дали ему развернуться на полную мощь.

— Возможно, — отозвалась Валентина. Она сидела перед своим туалетным столиком, готовая связаться с Лонгсдейлом через зеркало. Консультант оставил им свой адрес, но комиссар был не уверен, что они застанут Лонгсдейла дома.

— Но зачем им это делать? Разве это не опасно — даже для таких, как ты?

— Это очень истощает, — вздохнула вивене. — Однако если на Лиганте открылся настолько глубокий провал на ту сторону, мои братья и сестры просто не могли оставить все как есть.

— Почему?

— Мы плоть от плоти этого мира. Провал, разрушающий его, разрушает и нас.

— Но это никого из них не убило? — встревожился Натан. — Рядом с этой штукой с тобой не случится ничего плохого?

— Нас нельзя убить. Не беспокойся, раз провал изолирован, то ни мне, ни тебе он ничем не грозит.

— Понятия не имею, чего пироман от меня хочет, — со вздохом признался Натан. — Я в магии не смыслю ни уха ни рыла и могу успешно выступать только в роли приманки для нежити. Ладно, попробуй все-таки связаться с Лонгсдейлом. Разберемся с этим делом поскорее.

Валентина сосредоточенно посмотрела на зеркало, которое тут же стало мутнеть, словно наполнялось туманом. Вивене делала это без всяких заклинаний, так же непринужденно, как заваривала чай. Наконец в ее зеркале отразилась спальня джентльмена — а сам джентльмен обнаружился на кровати, по уши зарывшийся в газеты, книги и свитки. Валентина уступила мужу место, и Натан громко кашлянул. Лонгсдейл вскочил с кровати, схватил револьвер, выдернул из ножен на поясе трехгранный клинок — и только потом несколько смущенно пробормотал:

— О, это вы! Добрый вечер. Простите, я совершенно забыл написать вам, хотя обещал...

— Ничего страшного. — Бреннон окинул оценивающим взглядом кучу книг и стога свитков на постели. — Вы, я вижу, в работе по самую маковку.

— Да.

— Уже нашли что-нибудь?

Лонгсдейл сокрушенно покачал головой:

— Пока нет. Дом Паоло Уркиолы был пуст, когда мы прибыли. Но не похоже, чтобы он куда-то уехал: все вещи на своих местах, никаких следов поспешных сборов. По моему, он вообще не собирался покидать жилище надолго. Когда мы осматривали комнаты, то в кухне нашли полную кастрюлю свежего супа и приготовленную к запеканию баранью ногу. В кабинете и библиотеке синьор

Уркиола работал совсем недавно, даже не успел убрать книги на место.

Это Натану не понравилось. Слишком все смахивало на похищение — например, на хорошо продуманную засаду, в которую консультант угодил, когда ненадолго вышел из дома. Как мисс Эттингер.

— А его зверь? Ну, животное, которое сопровождает, — оно куда делось?

— Никого, — повторил Лонгсдейл. — В доме никого нет.

— Думаете, это кто-то вроде Ройзмана?

— Не могу сказать. Но даже если Уркиолу похитили — то явно не из дома. К тому же мое положение несколько осложнилось, — помолчав, добавил Лонгсдейл. — Девять погибших девочек обратились в нежить. Вчера они стали нападать на бездомных детей. Я смог отбить одну девочку, но остальные жертвы...

— Как это — обратились? — спросил Натан; на сердце потяжелело. Он услышал, как обеспокоенно шевельнулась в кресле Валентина. — Сами по себе, что ли? Или их кто-то превратил?

— Пока выясняю. Джен работает над образцами их плоти в лаборатории.

— Сколько всего жертв?

— Считая вчерашних — двенадцать. И хотя из девяти обращенных трех мы убили — не факт, что новые погибшие тоже не обратятся.

— Но все же к чему вы больше склоняетесь?

Лонгсдейл долго молчал, прежде чем ответить.

— Мне все же кажется, что мы имеем дело с умыслом. Жертвоприношения всегда были основным источником сил для чернокнижников. Но почему вы

спрашиваете? — удивился консультант, покосившись на Валентину. — Я думал, вы собрались в путешествие...

— Так и есть. Но вчера на меня, как черт из табакерки, выпрыгнул Редферн. Он, оказывается, тоже засек исчезновение Уркиолы и требовал, чтобы я выяснил, куда делся этот консультант и почему.

Изумление, отразившееся на лице Лонгсдейла, так быстро сменилось надеждой, что Натан мигом пожалел о сказанном.

— А вы можете? — спросил консультант.

— У меня нет никаких прав вести полицейскую деятельность в Фаренце. Да и как я буду допрашивать свидетелей и подозреваемых? На языке жестов?

— Ну, с этой проблемой разобраться нетрудно. Хотя, конечно, нет, — вздохнул Лонгсдейл. — Разумеется, я не стану просить вас ни о чем подобном. Только не в ваш заслуженный отпуск. Надеюсь, вы отлично проведете время. Юг Илары прекрасен в это время года.

— Спасибо. Но Редферн попросил меня кое-что вам передать. — Натан поднял несколько тетрадей, чтобы Лонгсдейл их увидел. — У меня тут дюжина дневников его наблюдений за провалом на Лиганте, начиная с того дня, когда он возник.

Консультант уставился на тетради с такой жадностью, словно хотел выдернуть их из рук Бреннона прямо через зеркало.

— О, это было бы просто прекрасно! У синьора Уркиолы имеются свои записи, но эти просто бесценны!

— Я успел прочесть только первые три тетради, но уверен, что остальные ничуть не хуже. Многое, во всяком случае, становится ясным. Мы бы... — Натан обернулся к жене. — Мы бы могли заглянуть к вам завтра?

— Да, конечно, — отозвалась Валентина. — Это совсем нетрудно.

— Конечно! — с жаром согласился Лонгсдейл, не спуская алчущего взора с тетрадей. — Я буду ждать вас. Мне необходимы любые сведения, тем более что здесь нет сотрудничества с полицией и вообще полиция в Иларе совершенно не способна к такой работе, как ваша!

— А с кем же вы там сотрудничаете? — удивленно спросил Бреннон.

— С церковью.

— Господи, — после паузы сказал комиссар, охваченный отнюдь не богобоязненными чувствами. С церковными крысами, это надо же! Неудивительно, что расследование едва продвигается. — Они хотя бы впустили вас в приют, чтобы вы осмотрели комнаты пострадавших?

— О, ну... я работаю над этим. Завтра после обеда мне назначил аудиенцию его преосвященство, глава местной инквизиции.

— Что за дремучее средневековье, — горестно пробормотал Натан под смехок Валентины. — Тогда мы приедем к вам часов в двенадцать. Подойдет?

— Да, конечно. Я распорядюсь, чтобы Джен приготовила вам комнату. Возможно, — с еле слышной просительной ноткой добавил Лонгсдейл, — вы решите осмотреть тут некоторые достопримечательности и задержитесь на пару дней?

— Маловероятно, — твердо отрезал Бреннон. — До скорой встречи.

Он встал с пуфика и потер поясицу. Как женщины вообще балансируют на этой жердочке? Валентина коснулась зеркала, и изображение растаяло.

— Извини, — покаянно произнес Натан. — Я не собираюсь там задерживаться и тем более работать на пиромана. Мы заглянем всего на несколько часов. Тебя это не утомит? Такие быстрые, гхм... перемещения?

— Нет, ничуть, — ответила вивене и лукаво добавила: — Впрочем, я вовсе не расстроюсь, если ты потратишь на визит чуть больше нескольких часов.

10 октября

Бреннон вышел из зеркала посреди небольшой темной гостиной, поставил на пол два чемодана и подал руку жене. Валентина с любопытством огляделась — она была в доме Лонгсдейла всего два раза, и логово консультантов явно вызывало у нее интерес. В гостиной их встретила Джен — одна.

— Добрый день. Лонгсдейл рассылает сообщения другим консультантам и малость увлекся, — проговорила ведьма, покосилась на Бреннона и неуверенно улыбнулась. Их отношения сильно охладели после того, как она спалила шестьдесят с лишним горожан. Девушка явно старалась изгладить из памяти Натана этот поступок — вряд ли она могла понять, почему он не в силах так просто это забыть. Она же не человек.

— Я отнесу вашу вещи в комнату, сэр.

— Не стоит, — торопливо сказал Бреннон. — Мы только передадим Лонгсдейлу тетради и сразу отправимся на юг.

— Но я бы не отказалась выпить чашечку чая, — добавила Валентина. — В конце концов, уйти так быстро будет невежливо.

— Э... да, пожалуй, — согласился Натан, почему-то с облегчением. Ему хотелось обсудить с Лонгсдейлом

ход дела — ведь консультант был тут один, и ему приходилось буквально разрываться на части. — Что с опозданием? Лонгсдейл сказал, ты занимаешься останками в лаборатории.

— Да. Уже практически закончила. Мы собрали образцы трех особей. Таких тут называют мараббекки — это водяная нежить, которая кормится тем, что утаскивает под воду людей.

— А воды тут как раз хоть залейся, — задумчиво заметил комиссар, глядя в окно. Вместо мостовой внизу плескался канал.

— Мараббекки? — нахмурилась Валентина. — Но они не охотятся стаями и впадают в спячку осенью. Они почти не выносят холода, а потому не активны до середины весны.

— То есть сейчас не сезон?

— Да, сэр. А кроме странного поведения я обнаружила почти стертый отпечаток заклятия, — добавила ведьма и мрачно буркнула: — Чертова текучая вода всюду! Она стирает следы магии почище, чем огонь!

— Значит, думаешь, девочки не сами по себе превратились в этих барабек?

— Мараббекки. Нет, им помогли. Уверена, что из окон выпасть — тоже.

— А как вообще человек может превратиться в нежить сам по себе? — невольно заинтересовался Натан. — Ну, с утбурдом дело было понятное, но здесь-то отчего?

— Чаще всего причина в проклятии или гибели в дурном месте, — ответила Валентина. — Нечисть с той стороны тоже может обращать людей. Или, — она коснулась пальцем стекла, — воздействие провала.

Бреннон взглянул, куда она указывала, — далеко в заливе, почти скрытый дымкой, виднелся крохотный островок.

— Но провал же под куполом? Редферн утверждал, что защита цела и невредима.

— Да, это верно, — согласилась вивене. — Иначе я бы сразу почувствовала. Но тем не менее вокруг провалов на ту сторону всегда появляется нежить.

— Ну, тут дело точно не в этом, — заявила Джен. — Девчонок превратили в нежить намеренно, вот только они так долго бултыхались в текущей воде, что я уже ни за что не определю, кто и как именно. Сэр, а вы... — Она коснулась руки комиссара, и он невольно вздрогнул. Девушка, потупившись, отступила. — Простите, — подавленно сказала она. — Вы никогда не забудете, да?

Бреннону не очень хотелось это обсудить — тем более, он сомневался, что ведьма сможет понять.

— Джен, представь, что кто-то убьет шестьдесят твоих сородичей. Я знаю, ты это сделала не потому, что желала им зла. Но они были всего лишь жертвами проклятия. Их нельзя убивать.

— Я не могла остановиться, — прошептала Джен. — Инициацию нельзя остановить, раз она началась. Она просто происходит, и все. Я бы... я бы даже вас могла убить и не заметила бы...

Валентина обняла ее за плечи, и ведьма окончательно поникла. Но, к счастью, в коридоре послышались шаги, и появление консультанта наконец прервало этот неуместный и неприятный разговор. Пес при виде комиссара активно замахал хвостом.

— Привет, Клык, — сказал Бреннон. Собака возмущенно засопела. Но, в конце концов, должна же у нее быть кличка!

— О, вот и вы! — обрадовался Лонгсдейл. — Прошу простить, я задержался, обсуждая ситуацию с коллегами.

— Пожалуй, — сказала Валентина, — я поднимусь в нашу комнату. Джен меня проводит и возьмет вещи.

— Погодите. — Бреннон открыл чемодан и достал сумку с тетрадами. — Вот, прошу. Наблюдения Редферна.

Глаза Лонгсдейла нетерпеливо вспыхнули, и он выхватил сумку из рук комиссара, словно там было его давно потерянное дитя.

— Они и правда ведутся с тысяча шестьсот тридцать первого года? Это ценнейшие сведения, записи Уркиолы начинаются на шестьдесят лет позже. — Консультант мигом распаковал добычу и, маниакально блестя глазами, зарылся в первую тетрадь. Пес шумно обнюхивал остальные. Джен взяла чемоданы и вопросительно посмотрела на Бреннона. Конечно, на этом месте им всем следовало распрощаться, но... но Валентина уже выскользнула из гостиной и поднималась по лестнице, а Натан не мог просто так уехать, не расспросив Лонгсдейла. Это просто невежливо, черт возьми! Комиссар кивнул ведьме, и она щелкнула пальцами. Чемоданы исчезли.

— Джен сказала, вы подозреваете вмешательство чернокнижника вроде Джейсона Мура или Ройзмана?

— А? Да, да, конечно, — рассеянно ответил Лонгсдейл. Не выпуская из рук драгоценную тетрадь, он опустился в кресло у камина.

— Вам надо бы осмотреть место происшествия в приюте. С кем работал Уркиола? Этот человек способен помочь?

— Кардинал Джироламо Саварелли, глава местной инквизиции, — пробормотал Лонгсдейл, и комиссар едва не поперхнулся:

— С кем?! Вы что, шутите?

— Тут так принято, сэр, — почти извиняющимся тоном сказала ведьма. — Местная полиция — стадо тупорылых баранов. Гребут взятки, на остальное кладут хрен. Даже при помощи гипноза я не выбила из них ничего полезного.

Бреннон засопел. Впрочем, он еще в прошлый визит отметил вопиющую неэффективность местной полиции. Клык фыркнул и улегся перед камином.

— Мы идем к этому типу сегодня, — напомнила Джен скорее Лонгсдейлу, чем комиссару. — Через пару часов! — Она пнула ножку кресла. Консультант слабо замычал, увлеченно изучая какую-то схему. — Сэр, может, вы сходите вместе с ним? Я не слишком-то хочу отираться около церковников. А его, как видите, нельзя без присмотра оставлять.

— И что я буду там делать? Я-то на местном могу только мычать.

— Нашли проблему! — фыркнула Джен. Она выдвинула ящик секретера в углу и, порывшись внутри, бросила в руки Натану футляр. В нем лежала булавка в виде цветка с аметистовой головкой и берилловым листиком: — Приколите к лацкану. Аметист переводит иларский для вас, берилл — ваших слова для иларцев.

— Хорошо, — сдался Бреннон. Валентина как будто хотела немного отдохнуть, так что если он проведет час-другой, сопровождая Лонгсдейла, то время не потеряет. — Схожу на инквизиторский прием. Будем надеяться,

что церковные крысы не пошлют нас в пешее путешествие к... папскому престолу.

— О, — безмятежно отозвался Лонгсдейл, выныривая из тетради, — вас ждут приятное знакомство и плодотворное сотрудничество, я уверен.

Кардинальский дворец казался черной прорезью в синем небе. Вид у здания был до того зловещий, словно инквизиторы заранее намекали посетителю на боль и страдания. Правда, впечатление изрядно портили плесень, покосившиеся ставни, мутные окна, ржавые водостоки и крошащийся из кладки раствор. Лонгсдейл пригласил гондолу к крытой галерее перед входом и, пока пес осторожно перетекал из жалкой площадки на твердую почву, предупредил:

— Кардиналу по роду его деятельности известно многое, но лучше не вдаваться в некоторые подробности. Особенно насчет нас.

— Это ж откуда кардиналу такое знать?

— Неужели, по-вашему, церкви ничего не известно о той стороне? Иерархи церкви знают о нежити и нечисти, тем более что многие прихожане ищут защиту от сил зла именно в храме.

— Так инквизиция обо всем знает?! — недоверчиво ахнул Бреннон. — Тогда почему ж не делает ни хрена?!

— Понятия не имею, — вздохнул Лонгсдейл. — Церковь для меня — загадочная организация.

Они ступили под своды дворца и направились к конторке клерка. Едва взглянув на джентльмена с собакой, молодой человек жестом велел следовать за ним и стал подниматься по лестнице.

— Без доклада, значит, шастаете к идейному врагу, а?

— Почему к врагу?

— А что еще вы собой представляете с их точки зрения? Наверняка какую-то сатанинскую тварь с сатанинским псом, которая вершит всякие сатанинские дела. Пфыр! Да наш епископ даже ко мне относится так же!

— Синьор Саварелли — человек более просвещенный, — с улыбкой ответил Лонгсдейл. Клерк впустил их в просторный кабинет, и Натан завистливо вздохнул: кардинал скромно расположился на площади чуть меньшей, чем целый этаж в департаменте.

— А, синьор Лонгсдейл, — донеслось издали: его преосвященство сидел перед столом в кресле, похожем на трон, и пристально наблюдал за приближением посетителей. — Синьор Уркиола упоминал вас... в числе прочих.

Когда они наконец добрались до стола, кардинал поднялся навстречу. На вид Бреннон дал ему лет пятьдесят пять — пятьдесят семь. Саварелли был высок, крепко сложен, очень смугл. Под сутаной угадывались мощные плечи и солидный живот. Сам кардинал напомнил Натану сову — круглая голова, круглые зеленоватые глаза навывкате, круглая шапочка среди курчавых черных волос и большой крючковатый нос.

Саварелли протянул руку с кольцом, Бреннон сделал вид, что намек не понял, и крепко ее пожал. Кардинал чуть слышно хмыкнул и грузно опустился в кресло, не предложив руки консультанту, зато пристально оглядев его пса.

— А где ваше животное? — спросил он комиссара.

— Я не консультант.

Куститые брови его преосвященства полезли на лоб:

— Нет? А что же вы тогда тут делаете? Кто вы такой?

— Это комиссар риадской полиции, Натан Бреннон, — мягко сказал Лонгсдейл. — Мы работаем вместе в Риаде, и комиссар великодушно согласился оказать мне некоторую помощь в этом деле.

Кардинал пробуравил Бреннона подозрительным взглядом и с явной неохотой указал им на кресла. Натан сел; Лонгсдейл остался стоять. Пес невозмутимо свернулся в клубок между ними и со скучающим видом закрыл глаза.

— Разве вы, консультанты, не работаете в одиночку?

— Не всегда. К тому же мистер Бреннон исключительно профессионален во всем, что касается дознания среди людей.

Комиссар смущенно кашлянул. К тому же он впервые узнал, что, оказывается, намерен оказать Лонгсдейлу какую-то помощь.

— Зачем он вам нужен? Синьор Уркиола справлялся и сам, а вам нужно целых два помощника?

— Синьор Уркиола бесследно исчез, — хмыкнул Бреннон, решив, что раз уж он должен помогать, то пора приступить к делу. — Что подсказывает нам, насколько успешно он справился с этой проблемой без помощников.

Они встретились взглядами; против ожидания, взгляд кардинала был совсем не таким тупым, как у епископа Уитби и прочих церковников. Саварелли смотрел на комиссара раздраженно, но при этом — оценивающе и даже выжидательно, словно действительно ждал какой-то помощи. Пес, учуяв конфликт, с любопытством приоткрыл глаза.

— Мы установили, — проговорил консультант, — что девочки превратились в нежить не сами по себе, а из-за заклятия. Увы, его отпечаток слишком слаб и размыт текучей водой.

— Заклятия? — резко спросил Саварелли. — Значит, это дело рук человеческих?

— Да. Нежить уже стала охотиться. В воскресенье они напали на четырех детей, одного мне удалось отбить. Трех обращенных девочек мы упокоили, но нам неизвестно, не обратятся ли новые жертвы.

— Однако главная сложность заключается не в этом, — снова вмешался Бреннон, — а в том, что мы с такими действиями уже сталкивались, как и с похищением консультанта. — И он коротко рассказал Саварелли о Ройзмане, его нежити и уничтоженном логове чародея. Комиссар постарался опустить подробности и говорить попроще, чтобы даже до этого святоши с первого раза дошло, в чем суть проблемы.

— Однако, — задумчиво изрек его преосвященство, когда Натан закончил. К удивлению комиссара, в глазах церковника все-таки светился разум, а следующая фраза и вовсе поразила Бреннона до глубины души: — Ни один из моих предшественников, работавших с синьором Уркиолой, не сталкивался ни с чем подобным. Мы даже и предположить не могли, что консультанты, гм... уязвимы.

— Ваших предшественников?! — воскликнул Бреннон. Кардинал издал короткий смешок:

— А вы полагали, что церковь пребывает в блаженном неведении? Святой престол запрещает нам использовать богомерзкую магию, но наблюдать нам разрешено. Конечно, в тысяча шестьсот девяносто первом глава

инквизиции в Фаренце был изрядно шокирован и очень красочно описал встречу с синьором Уркиолой. Но с тех пор прошло больше ста семидесяти лет, и я впервые слышу о том, что кто-то способен охотиться на консультанта и тем более поймать его.

Комиссар слотнул. Он как-то даже не задумывался о таких масштабах. По сравнению с ними его работа с Лонгсдейлом — это просто песчинка в песочных часах.

— Вот почему, — сказал консультант, — мне нужна помощь. Девочки обратились в мараббекк, сейчас их осталось шесть, но если они продолжают охотиться в разных частях города — а они продолжают...

— Не может же мистер Лонгсдейл разорваться, — перебил комиссар. — В прошлый раз все тоже началось с набегов нежити. Если за этим стоит человек вроде Ройзмана, его нужно обезвредить как можно скорее. У вас есть связи в полиции?

Саварелли сокрушенно покачал головой:

— С этим у нас трудно. Наша полиция, мягко выражаясь, не блещет энтузиазмом, и потому у нас нет полной криминальной сводки, а значит, нет и точного числа жертв. Может, этот человек орудует тут уже несколько месяцев, охотясь на бездомных.

— Тоже верно, — кисло заметил комиссар. Проклятие! Неужели местные настолько бесполезны? А он-то надеялся... — В любом случае, нам нужно осмотреть место преступления — то есть комнаты девочек в приюте — и допросить персонал, а также воспитанниц. Заодно и обыскать все здание, осмотреть прилегающую территорию, допросить местных жителей, бездомных, нищих...

— А вы, я смотрю, привыкли лихо браться за дело, — заметил кардинал с каким-то странным веселым одобрением. — Это у вас в Риаде так принято?

— В полиции — да, — сухо сказал комиссар. — Но как мне намекнул мистер Лонгсдейл, без вашей санкции в приют не попасть. Собственно, за ней мы и пришли.

Консультант смущенно закашлялся. Пес фыркнул.

— Ну что ж, — заключил его преосвященство, поднимаясь из-за стола, как кит из морских волн, — раз вы так настаиваете, то, пожалуй, я не только позволю вам нарушить покой приюта, но даже сам буду при этом присутствовать.

Снаружи приют оказался похож на тюрьму. Разве что решеток на окнах не хватало. Консультант, Бреннон и кардинал со своим сопровождением подплывали к узкой полоске мостовой на двух лодках — в одной под плотным навесом с комфортом расположился Саварелли, в другой мокли под редким дождиком консультант, пес и комиссар.

— Глухое местечко, — тихо заметил Натан. — Проводить ритуалы можно хоть еженедельно — за такими стенами никто ничего не услышит и не увидит.

— Полагаете, что наш злоумышленник — из числа работников приюта?

— Или может входить сюда, не вызывая никаких подозрений. Например, плотник, каменщик, врач — или священник.

— Почему вы их так не любите? — любопытствовал Лонгсдейл. Бреннон решил не объяснять, почему он считает священников в массе своей бесполезными

фанатичными баранами — тем более что лодка Саварелли вплотную подошла к гондоле консультанта. Комиссар тут же сурово спросил:

— Где все?

— Какие все? — удивился кардинал.

— Где оцепление, дежурные полицейские, работающие на месте преступления офицеры или детективы?

— А. Ну, как бы вам сказать... — Саварелли тяжело вздохнул. — Полицейские посетили приют утром, констатировали смерть девяти воспитанниц, составили протокол и отбыли восвояси. Оцепление не выставили, поскольку, как я понял, они не нашли следов убийства.

Бреннон несколько секунд молчал, переваривая услышанное. Он многое хотел сказать, но ограничился кратким:

— Даже дежурных около места убийства не оставили?

— Мужчин в приюте для девочек при женском монастыре? Разумеется, нет, — с горестной усмешкой отозвался кардинал.

Лодки причалили. Пес первым выбрался на берег и потрусил к высокой серой ограде, окружавшей здание приюта. Небольшие окна на одной из стен смотрели на канал; Бреннон сразу нашел те, из которых выбросились девочки, — на них не было ни рам, ни ставней, а проемы уже забили досками. Саварелли ударил в колокол у наглухо запертых ворот. В оконце мелькнуло лицо привратницы.

— Открывайте, — величаво повелел князь церкви. Женщина испуганно пискнула, тут же заскрипели засовы и замки, а затем в воротах распахнулась узкая калиточка, в которую кардинал протиснулся боком, кое-как втянув живот.

Пока Саварелли растолковывал привратнице, зачем и к кому им надо попасть, Бреннон осмотрел внутренний дворик — небольшой и квадратный, сущий каменный мешок, со скамьями вокруг чахлого фонтанчика. С трех сторон его обнимала крытая галерея, соединяющая сам приют, здание монастыря и церковь. Пес принялся, потыкался носом в каменные плиты и разочарованно заворчал.

— Ничего?

— По крайней мере, во дворике никаких следов магии нет, — пробормотал Лонгсдейл, втихоря вода в воздухе каким-то амулетом. — Нечисти и нежити тоже.

— Пойдемте, — сказал Саварелли, — нас проводят к настоятельнице, которая руководит приютом.

Мать Агнесса выглядела точно ожившая мумия — худая, как палка, сморщенная и с глубоко посаженными бесцветными глазками, которыми она враждебно уставилась на Бреннона, Лонгсдейла и пса из недр своего клубука. На вид женщине можно было дать от сорока до шестидесяти.

— Наш приют заботится о сиротках во имя Господа уже пятьдесят лет, — прошипело это божье создание и мелко перекрестилось. — Мы смиренно вынесем и это ужасное испытание...

— Да, — холодно изрек кардинал. — Однако смерть сразу девяти девочек требует самого пристального рассмотрения и дознания насчет их жизни и условий в приюте.

— У нас есть благословение папы!

— Мы помним. И настоятельно рекомендуем вам предоставить нашим консультантам все, что им потребуется.

— Этим людям? — осведомилась мать Агнесса таким тоном, будто перед ней валялись запойные пьяницы, только что выловленные из канавы. Клык удостоился отдельного негодующего взора. Пес оскалился и развалился на ковре перед камином. — Но ваше высокопреосвященство, нравственность наших воспитанниц...

— Никак не пострадает, если они и дальше будут прыгать из окон? — наконец вмешался комиссар. Время, черт возьми, не ждет! Они с Валентиной должны уехать сегодня вечером... ну, завтра утром — самое позднее.

— Я бы хотел осмотреть комнаты девочек, — кротко сказал Лонгсдейл. Мать Агнесса сжала четки, словно хотела огреть ими по физиономии это порождение сатаны.

— Живее! — цыкнул Саварелли. Настоятельница с кислой миной склонила голову и позвонила в колокольчик. Явившейся на звон монахиня она велела проводить консультанта в комнаты воспитанниц — и с видимым облегчением перевела дух, когда пес ушел следом за Лонгсдейлом.

— Ну, что ж, начнем. — Бреннон сел за стол и раскрыл блокнот. Кардинал с любопытством следил за всеми его действиями. — Опишите последовательно все события того дня, начиная с утра.

Мать Агнесса пробуравила комиссара таким взглядом, которому позавидовал бы враг рода людского, но после требовательного жеста Саварелли неохотно приступила к рассказу. По ее словам, жизнь в приюте текла своим чередом ровно до полуночи, когда при обходе дежурная монахиня обнаружила, что девять девочек исчезли, а окна в их комнатах выбиты.

— А еще были какие-нибудь эксцессы? До этой ночи? Странное поведение, подозрительные разговоры,

непонятные явления, может, кто-то пронес сюда необычные предметы?

— Вы намекаете, что диавол проник в стены, осененные благословением Иннокентия Восьмого?! — восшипела монахиня.

— А как благословение может этому помешать?

Кардинал кашлянул. Мать Агнесса залилась бледной краской.

— Где вы были в ту ночь и кто может это подтвердить? — спросил Бреннон.

— Я была в своей келье и молилась! — негодуя воскликнула монахиня.

— На какую сторону выходят окна вашей кельи?

— Я не понимаю, почему я должна подвергаться столь возмутительному допросу, когда такое несчастье...

— Отвечайте, — веско проронил Саварелли.

— На Большой канал.

— Ага, и при этом вы бодрствовали. Что слышали?

— Ничего! Я была погружена в молитвы Господу нашему...

— То есть когда несколько окон выпало в канал вместе с рамами и ставнями, а затем туда же отправилось девять тел — вы ничего не слышали, оглушенная силой истинной веры?

Мать Агнесса так крепко сжала губы, что кожа на остром подбородке и скулах туго натянулась.

— Я слышала плеск и звук падения, — сказала она наконец. — Тогда я вышла из кельи и была среди воспитанниц и монахинь, что могут подтвердить они все.

— Гм. Ранее вы утверждали, что тревогу подняла дежурная монахиня.

— Мне кажется, даже вы можете догадаться, что это произошло одновременно, — процедила мать Агнесса. — Я вышла из кельи и спустилась к комнатам воспитанниц, где встретила сестру Бенедикю. Это произошло около полуночи, и, разумеется, после никто уже не смог уснуть.

— Когда вы вызывали полицию?

— Около шести часов утра.

— Почему так поздно?

— Потому что мы молились! — в ярости рявкнуло тощее создание, и Натан удивленно поднял брови.

— Что, не меньше пяти-шести часов? Допустим, час на то, чтобы уgomонить панику, я согласен, но потом-то?

Кардинал снова покашлял, намекая на пресловутую силу веры.

— Я оказывала моим монахиням и воспитанницам духовную поддержку, — прошипела мать Агнесса.

— Шесть часов? Пока трупы ваших девочек плавали у вас под окнами?

— Они не плавали!

— А куда ж они делись?

Настоятельница замолчала и после долгой паузы буркнула:

— Их унесло течением.

— В вашей... — Натан чуть не сказал «вонючей канаве», — вашем канале такое сильное течение, что сносит девять тел за несколько минут?

— Я не смотрела вниз.

— То есть вы увидели пустые постели, выбитые окна, но вниз не посмотрели? Ладно, а дежурная монахиня сестра Бенедикя догадалась это сделать?

— Она тоже ничего не видела.

— Гм-м-м? Что ж, полагаю, об этом она и сама нам расскажет. — Бреннон захлопнул блокнот и встал. — Мне потребуется комната, где я смогу допросить всех монахинь и воспитанниц.

— Ни за что! — взвилась мать Агнесса. — Это совершенно недопустимо в стенах нашей обители! Даже полицейские проявили больше уважения к дому Божьему и нашим чадам!

— При допросах буду присутствовать я, — властно изрек кардинал и пристально посмотрел на настоятельницу: — Вы ведь не считаете, что общение со мной нанесет духовный вред воспитанницам и монахиням?

После короткой внутренней борьбы мать Агнесса сдалась и сквозь зубы сказала:

— Я распоряжусь насчет комнаты.

— Вы напрасно настроили мать Агнессу против себя, — вполголоса заметил Саварелли, когда они спустились к комнатам погибших девочек. Настоятельница выделила им помещение на том же этаже, и Натан решил заодно посмотреть, как дела у Лонгсдейла.

— Завоевать ее любовь и симпатию мне бы все равно не удалось. К тому же ее поведение еще ничего не значит. Уйма людей, совершенно ни в чем не виновных, относится к полиции крайне неприязненно. Тем более что для нее я и полицейским-то не являюсь.

Кардинал нахмурился:

— Вам не кажется, что в ее показаниях что-то не сходится?

— Конечно, — хмыкнул комиссар. — Уверен, что она высунулась из окна и прекрасно разглядела трупы... или

их отсутствие. Или присутствие нежити. А это вполне могло напугать ее настолько сильно, что теперь она не хочет об этом говорить.

— Или она сама к этому причастна.

— Тоже вариант, — согласился Бреннон и с некоторым удивлением оглядел дверные проемы, закрытые ширмами. — Что это такое?

— Двери полностью сгнили, — донесся до него голос Лонгсдейла, — как и все предметы внутри.

Натан отодвинул ширму и вошел. Пятна плесени на стенах и потолке, прогнившие потолочные балки, остатки кроватей, матрасов и постельного белья... Лонгсдейл уже снял доски с окон, и Бреннон перегнулся через подоконник. Под ним до самой воды тянулась длинная широкая полоса чего-то вроде морской губки. Но комиссар сразу понял и еще кое-что. Когда в комнату заглянула монахиня, он резко повернулся к ней и сердито гавкнул:

— Кто посмел убраться в комнатах?!

Женщина отшатнулась:

— Чт-т-то? Здесь? Мать Агнесса велела... помыть пол и всякое... постели сложить, ну что осталось...

— До или после приезда полиции?

— До...

Лонгсдейл, который стоя на коленях, что-то изучал под окном, поднял голову и сказал:

— Тогда это многое объясняет.

— Еще как, — процедил Бреннон. Неудивительно, что полицейские не нашли никаких следов убийства. Намеренно или нет, но настоятельница постаралась уничтожить все улики.

— Будете снова ее допрашивать? — с интересом осведомился кардинал.

— Да, но позже. Пусть пока помаринуется. Где вещи девочек? — повернулся он к монахине.

— У наших воспитанниц нет вещей, — прошелестела та. — Только одежда и обувь. Мать Агнесса велела сжечь.

— Почему?

— Она сказала, на них скверна. Ведь если они самоубийцы, то... то... — Женщина запнулась.

— Часто у вас тут сразу девяттеро девочек решают, что лучше самоубиться, чем так жить?

Монахиня затравленно на него посмотрела.

— Чьи это кровати?

— Магдалы и Каталины, — прошептала она.

— Вы что-нибудь слышали? — спросил Лонгсдейл, поднимаясь с колен. Женщина испуганно уставилась круглыми глупыми глазами на его пса, потом на него. Кардинал шепотом пояснил, что сестра Бенедика, выросшая в приюте, умственно не слишком развита.

— Это ты присматривала за ними в ту ночь? — уже помягче спросил комиссар. — Твоя была смена?

Женщина сперва кивнула, а потом отрицательно замотала головой:

— Нет, я поменялась. С сестрой Анной. Она должна была, но попросила поменяться, потому что... — Она наморщила лоб. — Не помню почему. Я согласилась. Мать Агнесса не запретила.

— А обычно запрещает? Обычно вам можно меняться?

— Ну, иногда.

Кардинал недоумевающе перевел взгляд с монахини на комиссара. А вот на морде Клыка появилось очень понимающее выражение, как и на лице Лонгсдейла.

— Вы видели что-то странное той ночью? — спросил консультант. Сестра Бенедика облизнула подрагивающие губы и перекрестилась. — Может, не видели, но слышали?

— Вода, — еле слышно пробормотала монахиня. — Я слышала — капает и течет. Тихо-тихо, но громко-громко. Почти как музыка.

— Ты сказала матери Агнессе? Позвала кого-нибудь?

— Нет, — помотала она головой. — Они мне не поверят. Но она капала! Тихо тут, — сестра Бенедика обвела рукой комнату, — но громко тут, — и постучала пальцем по лбу. — Я слышала и потому открыла дверь пораньше. Я думала, она тут течет, а она не текла. И их не было. — Монахиня кивнула на кровати.

— Ясно, — заключил Натан. — Пойдем-ка с нами. Кардинал тебе ничего худого не сделает. Вы еще будете здесь работать? — обратился он к Лонгсдейлу.

— Да. Это только первая комната, а впереди еще три. И я еще намерен осмотреть спальни этажом выше и этажом ниже.

— Хорошо. Тогда встретимся у лодок. Чую, мы тут засядем до вечера, — вздохнул комиссар.

Бреннон устало глядел на маслянистые, мутные воды канала и гадал, насколько сильно обижена Валентина. Он ушел с Лонгсдейлом утром и пропал до глубокого вечера. О чем ей думать, как не о том, что даже в свадебном путешествии муж не в силах сосредоточиться только на своей жене?

Натан раскаивался, но ничего не мог поделать: допросы персонала и воспитанниц приюта затянулись на долгие часы. К счастью, кардинал довольно быстро

ухватил, в чем суть, и активно, даже с радостью приступил к работе. Затем к ним присоединился закончивший с осмотром комнат Лонгсдейл. Комиссар дал себе слово, что утром он увезет Валентину на юг — как только обсудит с консультантом результаты осмотра.

Колокол на большом красивом соборе пробил одиннадцать раз. Бреннон вдохнул сырой воздух. Пока они торчали в приюте, погода в городе улучшилась, дождь кончился, и вечер был приятно прохладным. В чистом темно-синем небе мерцали звезды и плыл узкий серп луны. Даже не верилось, что в тихих каналах плещется нежить.

— А где вы хороните мертвых? — спросил кардинала Натан, когда их лодки поравнялись.

— На берегу Илары есть несколько кладбищ. Земля на островах Фаренцы слишком дорога и ее не так много, чтобы тратить на погребения.

— Вот поэтому, — вздохнул Лонгсдейл, — наш чародей вынужден делать нежить из жителей города. Это очень усложняет мою задачу. На текучей воде не остаются следов.

Бреннон только хмыкнул над такой наивностью:

— Этот чародей что-то ест, где-то живет и как-то перемещается по городу. Человек всегда оставляет следы. Утром, на свежую голову, я поработаю с записями допросов. Что-то непременно всплывет.

На носгах гондол горели светильники, и по воде перед ними плыли золотистые круги. Кое-где на волны падали блики от фонарей и светящихся окон, но в темноте Фаренца все равно казалась призрачной картинкой из сновидения, а не реальным городом.

— Думаете, синьор Уркиола жив? — спросил Саварелли. Лонгсдейл кивнул.

— Я сам видел, что убить консультанта нельзя, — ответил Бреннон. — Но качественный удар кирпичом по темени действует на него так же, как и на обычного человека.

Пес насмешливо фыркнул, и Лонгсдейл торопливо добавил:

— Однако даже если опутать Уркиолу чарами или опоить зельями, он довольно быстро придет в себя. Похитителю придется либо все время держать его в бессознательном состоянии, либо постоянно использовать довольно мощную магию, которая оставляет следы.

— Думаю, через пару-тройку дней Уркиола благополучно сбежит и появится на пороге своего дома, — предложил комиссар. — Но чем больше усилий мы приложим сейчас, тем проще нам...

Обе лодки скрылись под массивным мостом, и в этот же миг в них с такой силой что-то врезалось, что дерево затрещало, а гребец кардинала едва не свалился в воду. Гондолы конвульсивно заплясали на волнах. Бреннон вцепился руками в борта, отчаянно жалея об отсутствии револьвера. Из канала в облаке брызг вырвалось белесое человекообразное существо. Клык вскочил и с места прыгнул на тварь, на лету превращаясь в пылающую комету. Они рухнули в воду, и в воздух поднялся густой пар, в котором Натан едва разглядел еще двух гадин.

— *Ensis in ignis!* — взревел Саварелли. Пылающее лезвие прошло слева от его гондолы, полоснуло ближайшую нежить и закружилось вокруг нее, срезая куски плоти. Мараббекка, визжа, заметалась под опорами моста. Гребец кардинала, проявив поразительное присутствие

духа, огрел третью тварь веслом и заорал молитву Деве Марии. Бывшая воспитанница приюта нырнула в канал и спустя секунду с силой впечаталась в дно лодки. Под треск досок в гондолу хлынула вода.

— *Volare nobis!* — прохрипел кардинал, сгреб гребца в охапку, вдруг вознесся над обломками лодки и жадно тянущимися из воды белыми руками.

Лонгсдейл рискованно перегнулся через борт, схватил нежить за руку и прошипел что-то на элладском. Рука твари задергалась; консультант потащил ее из воды. Когда на поверхности показалась голова, он прижал ладонь к ее лбу и выдохнул еще одно заклятие. Морда мараббекки задрожала, как желе, превратилась в лицо девочки лет двенадцати-четырнадцати, и Лонгсдейл выпустил ее руку. Тело закачалось на волнах, стремительно истлевая, пока наконец волны не размыли прах.

Саварелли взмыл на мост и приземлился там вместе с гребцом. Пес вынырнул из глубин канала, помахал Бреннону мокрым хвостом и решительно поплыл к мосту. Комиссар поискал взглядом последнюю нежить, но не обнаружил ни ее, ни пылающего лезвия.

— Еще трем конец, — сказал консультант. — Осталось три. Если их жертвы тоже не обратились. Впрочем, мараббеккам надо чем-то питаться, так что...

Комиссар молча взялся за весло и погреб к причалу у моста. Он не хотел задерживаться в воде ни одной лишней минуты — особенно на этой пропускающей воду утлой посудине. Саварелли уже ждал их и подал Натану руку, помогая выбраться на каменную набережную канала.

— Значит, смотри, но не применяй? — хмыкнул Бреннон. Его преосвященство невинно уставился на него в ответ и вкрадчиво спросил:

— А вы почему ничего не применили?

— Потому что я не знаю заклинаний.

Глаза Саварелли вылезли на лоб:

— Вы что, самоубийца?!

— Ну, точнее, два знаю, — буркнул комиссар. — Люмия и скутум. Они бы тут не помогли. Черт подери! Подозреваемые и раньше порывались меня грохнуть, но не так же быстро! Шустрые типчики, а?

Кардинал выдвинул вперед челюсть и стал похож не столько на духовное лицо, сколько на криминальное.

— Значит, мы напали на верный след! Уверен, в приюте у чернокнижника есть сообщник... Мать Агнеса! — прорычал Саварелли. Подмокшее преосвященство потеряло в величии, но приобрело в грозной суровости. — Я вызову ее к нам и допрошу!

— Погодите с резкими движениями, — остудил его пыл комиссар. — Уверен, что... как вы его называли?.. чернокнижник уже в курсе, что покушение провалилось. Поэтому нам сперва нужно добраться до безопасного места, причем не по воде. Лонгсдейл, у вас есть какой-нибудь фокус?

Пес встал лапами на парапет моста и посмотрел на лодку. Затем на консультанта. Лонгсдейл простер руку к лодке, что-то певуче зашептал, и потрепанное суденышко поднялось в воздух. Клык восторженно заскреб лапами по парапету — похоже, полеты псу нравились так же, как и Натану.

«Вот это дело, — довольно подумал комиссар, перебираясь с моста в лодку. — Намного лучше, чем бултыхаться в воде, как клецки в кастрюле!»

11 октября

Натан, лежа в постели, наблюдал, как Валентина примеряет шляпки, и мучился угрызениями совести. Вчера жена не упрекнула его ни единым словом, хотя он вернулся черт знает во сколько и изрядно подмоченный после стычки с нежитью. Конечно, вивене почувствовала, что он был в опасности, но все же... он ведь обещал ей, что они поедут в отпуск!

— Извини, — наконец сказал Бреннон. — Мы уедем сегодня вечером.

— О, можешь не волноваться, — отозвалась Валентина и достала шляпку из белой соломки. — Я совсем не против задержаться тут еще на несколько дней. Я очень давно не была в Фаренце и даже соскучилась. Город так изменился за последние... последние... — Она слегка нахмурилась, явно пытаясь припомнить, сколько же веков прошло.

— Но мы же в свадебном путешествии, — пробормотал комиссар. — Я должен не пропадать на сутки, а уделять все внимание тебе!

— Но ты уделяешь. Вчера вечером и сегодня утром, два раза, — безмятежно сказала вивене и завязала голубые ленты под подбородком. Натан кашлянул: видимо, она каким-то образом благотворно на него влияла... во всех смыслах. — К тому же нам нужно купить сувениры и подарки, а ты не любишь магазины. И вообще, — она повернулась к Бреннону; ее глаза заблестели от

любопытства, — мне всегда было интересно, как ты это делаешь.

— Делаю что?

— Расследуешь. Я ведь тоже могу принять участие! Хочешь, я спрошу горожан о чем-нибудь? Может, кто-то что-то видел или заметил?

— Э... ну... — Вообще-то мысль была неплохой, сам бы Натан с этим не справился — у него на столе и так лежал целый стог с записями показаний, который еще нужно было разобрать и прочесть. — Если тебе нетрудно, конечно.

— Хорошо. Я вернусь к обеду. Завтрак внизу, я оставила его подогреваться.

Валентина поцеловала его и упорхнула, удивительно жизнерадостная для женщины, муж которой вместо медового месяца отвез ее в город, где буйствует то ли нежить, то ли очередной чернокнижник.

За завтраком Лонгсдейл отдал Бреннону то, что им обещал достать Саварелли, — отчет полиции и документы о монастырском приюте. Натан только подивился тому, как быстро кардинал заполучил все что нужно. После завтрака комиссар и консультант разошлись по комнатам — Лонгсдейл и ведьма намеревались изучить собранные в приюте пробы, а Бреннон засел за документы и записи допросов.

В напряженном, плодотворном труде прошли часы. Наконец комиссар осознал, что зеркало в их с Валентиной спальне последние полчаса издает странные звуки. Настороженно заглянув в комнату, Бреннон увидел в зеркале трюмо злого и мрачного, как туча, Редферна, который немедленно дал волю дурному нраву:

— Какого черта вы там торчите, как кукушка в чашах?! Вы что, глухонемой? Зову, зову — и полчаса докричаться не могу! Вы хотя бы...

— Цыц, — строго оборвал его комиссар. — Я был занят. Работал.

— А остальные? — буркнул пироман, несколько остыв.

— Тоже, знаете ли, делом заняты. Могу позвать.

— Я переключусь на зеркало в кабинете Уркиолы. Я сначала пытался связаться через него, но ваш чертов Лонгсдейл сгинул в лаборатории вместе с псом и ведьмой.

«Или он просто благоразумно вас игнорирует», — подумал Бреннон, спускаясь в кабинет. Тот был оборудован рядом с лабораторией, а потому они вскоре собрались за столом перед зеркалом, в котором виднелся кабинет Редферна, сам пироман и, конечно, Маргарет. Пес, правда, остался за дверью. Натан наморщил лоб — в его памяти крутилось что-то связанное с племянницей, но вот что?..

— Вы что-нибудь выяснили? — нетерпеливо спросил Энджел.

— Ну, после серии допросов и обыска в приюте мы обнаружили важные улики... — начал комиссар.

— Уже?! — вскричал Редферн: на его лице отразилось такое изумление, что Бреннон почувствовал себя польщенным.

— Н-да. Правда, наша основная улика сводится к тому, что раз на нас напали, едва мы вышли из этой божьей обители, — значит, мы роем в правильном направлении.

— Кто напал? Дядя, ты цел? — резко спросила Маргарет. Бреннон коротко описал вчерашний инцидент.

Редферн слушал, недовольно поджав губы, а потом заявил:

— И на кой, спрашивается, я вам дал целый чемодан со всем необходимым для самозащиты? Вы считаете, что защищаться — это ниже вашего достоинства?

— Вообще-то я ехал в отпуск с женой...

— Маргарет заберет ваш чемодан завтра, когда будет навещать семью, и мы перешлем его вам.

— Но что вы нашли в приюте такого, если вас сразу же попытались убить? — спросила Маргарет. Лонгсдейл кивнул комиссару, и тот пошуршал записями допросов:

— Начнем с того, что мать Агнесса, начальница приюта и монастыря, во время допроса вела себя довольно подозрительно. Она успела надрессировать всех монахинь и воспитанниц на определенные ответы, которые от них и услышала местная полиция. Углубляться в проблему местные не захотели.

— Как обычно, — ядовито прошипел Энджел. — Тем более что речь идет о каких-то сиротах с улицы, которых никто не хватится.

— Именно. Жертвы выбраны идеально. Однако в монастыре живут пятьдесят три монахини и сорок восемь девочек. Заставить их всех выучить все в подробностях за пару дней невозможно, поэтому подготовить их к более детальному допросу настоятельница не успела. Итак, для начала сестра Бенедика в ночь убийства слышала звуки капающей воды в комнатах девочек. Кстати, она несколько слабоумна, и я думаю, что сестра Анна неспроста попросила ее поменяться с ней дежурствами. При допросе сестра Бенедика ссылалась на приступ ревматизма, но вид у нее был растерянный.

— Конечно, — хмыкнула ведьма. — Кто станет слушать слабоумную монашку? Хотя вообще-то слабоумные и сумасшедшие гораздо лучше остальных чувят и видят всякое такое. Только им обычно никто не верит.

— Уверен, что к смене дежурной монахини приложила руку мать Агнесса. Она утверждает, что всю ночь до происшествия провела у себя, но несколько монахинь признались, что стучались в ее келью, однако им никто не ответил. Женщин разбудило странное, очень сильное чувство тревоги. Одна из них даже сказала, что убежала бы из монастыря, если бы не запертые ворота.

Энджел нахмурился. У него, видимо, тоже что-то не складывалось, но он пока молчал, только обменялся взглядом с Маргарет. Девушка зашуршала какими-то бумагами за спинкой его кресла.

— Повариха на следующее утро обнаружила, что вся вода в кухне зацвела, продукты сгнили, а воспитанницы в комнатах выше и ниже жаловались на невыносимый запах плесени и обжигающий холод, который наступил где-то около одиннадцати часов ночи. И наконец, ни одна из монахинь не видела трупов, которые должны бы плавать вокруг приюта в количестве девяти штук. Течение в Большом канале слишком слабое, чтобы унести тела меньше чем за час. Последнее, на что я хочу обратить внимание, — рассказ, который они предъявили местным полицейским, выверен почти поминутно. Такого не может быть, когда в замкнутом пространстве в истерике мечутся больше сотни женщин. А еще не может быть, чтобы сто один свидетель описывал все события совершенно одинаково.

— Я изучил место и взял пробы, — сказал Лонгсдейл, когда комиссар закончил. — Сейчас мы с ними работаем,

но кое-что уже ясно. Во-первых, внутри комнат никаких следов призыва нечисти или нежити нет. Что бы ни проникло к девочкам, оно пришло извне.

— Но во-вторых, — вмешалась Джен, — в монастыре есть церковь, так что я даже подойти к воротам не могу. По идее, нежити тоже путь внутрь заказан. А нечисти — уже нет. Она вполне может пролезть к жертвам, особенно если ее призвать и указать путь.

— Все следы разложения, которые я нашел в приюте, — хмуро продолжал консультант, — неестественной природы. Они распространяются вокруг определенной области, — он показал Редферну план здания, где все помещения, включая кухню и чердак, выше и ниже комнат погибших девочек были обведены красным.

— В полуподвальном этаже находится кухня, где повара нашла сгнившие продукты, — сказала Джен. — Монахини, которых мучила тревога, проводили ночь в комнатах над комнатами погибших девочек. Они спят там по очереди.

— Это указывает на целенаправленное воздействие, — подытожил Лонгсдейл. — Если бы нечисть по своему почину проникла в приют, то выкосила бы всех женщин до единой, а разложение обнаружилось бы по всей территории.

— Значит, кто-то контролировал нечисть, — с некоторым удивлением заметил Бреннон. — Но разве это возможно? В смысле, ифрит, которого я видел, не показался мне покорной овечкой.

— Кроме ифрита есть и другая нечисть, калибром поменьше, — ответил Энджел. Маргарет принесла ему книги со множеством закладок. — Мы тоже пытались хотя бы примерно прикинуть, какой ритуал с девятью

жертвами проводил наш чернокнижник. Но вариантов, как видите, нашлось слишком много.

— Но теперь мы хотя бы сможем отбросить самые неподходящие, — добавила девушка. — Но меня все еще смущает паника, которую из-за этого поднял синьор Уркиола. Он же консультант. Для него во всем этом не должно быть ничего необычного.

— Судя по тому, что он исчез, — кисло заметил комиссар, — паниковал Уркиола не зря. Но по какой причине — мы все еще не знаем.

— Мы обыскали весь дом сразу же, как приехали, — сообщил Лонгсдейл. — Использовали несколько заклинаний, чтобы выяснить, куда пропал Уркиола. Пока все напрасно.

— Тем не менее работа проведена весьма впечатляющая, — кивнул Редферн. — Продолжайте в том же духе — и справитесь с делом за неделю.

— Ничего впечатляющего в этой работе нет, — проворчал комиссар, вовсе не разделяющий оптимизма пиромана. — Вы бы получили ровно такой же результат, если бы местная полиция провела нормальный допрос.

— Иларская полиция не станет интересоваться смертями нищих сирот, — фыркнул Энджел. — Тут вам не Ри-ада, где после убийства горничной вся полиция чуть ли не на голове ходила.

— Дело не в этом, — поморщился Бреннон. — Почему Уркиола так запаниковал, что стал вызывать в Фаренцу других консультантов? Убить мараббекк довольно легко, я сам видел. Выяснить, кто из горожан балуется черной магией, — для консультанта тоже не проблема. Тогда что его так напугало?